

Специфика утопической модели общества в повести «Катастройка» А.А.Зиновьева

Сорокин Александр Анатольевич

Донецкий национальный университет, Донецкая Народная Республика
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24
кандидат филологических наук
E-mail: aa40in@inbox.ru

Аннотация. Повесть «Катастройка» А.А. Зиновьева представляется неоднозначно определяемым в своей специфике жанром. Как «место, которого нет», утопия Партграда безусловна. Тем не менее, моделирование новых социальных законов «сверху» отражается антиутопическим образом на перестраиваемом социуме. Это и составляет уникальность зиновьевской утопической модели надвигающейся катастрофы.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, социологическая повесть.

УДК 821.161.1

Specificity of the utopian world model in A.A. Zinoviev's narrative "Catastroika"

Alexandr A. Sorokin

Donetsk National University
283001 Donetsk, Universitetskaya Str., 24
Candidate of Sciences (Philology)
E-mail: aa40in@inbox.ru

Abstract. A.A. Zinoviev's literary work "Catastroika" is written in a specific genre which cannot be univocally determined. As "a non-existent place" the Utopia of Partgrad is obvious. Nevertheless the process of top-down modeling of new social laws produces an anti-utopian influence on the re-building of society. This unusual impact is going to be considered as the main part of Zinoviev's utopian model of catastrophe.

Keywords: utopia, anti-utopia, sociological short novel.

UDC 821.161.1

Введение. Актуальность данного исследования определяется необходимостью осмысления реализуемых утопических моделей действительности, аналитически преломляемых в художественной прозе русского зарубежья на стыке времени 1980–1990-х гг., а именно – в повести «Катастройка» А.А. Зиновьева (1989).

Определение жанра утопии, с учётом её специфического жанрового проявления, в области истории, философии, социологии на сегодняшний день представляется неоднозначным. Однако в одном многие учёные сходятся: «Трактовка утопии как модели прочно утвердилась в научном лексиконе» [Файзрахманова 2010: 143]; воспринимается как «результат моделирования реальности» [Ланин 1995: 150]. Не менее важно отметить вопрос о пограничности жанра, попытках определения утопии («идеально хорошего места») как антиутопии (пограничного между «идеально» хорошим и плохим местом) или же как дистопии («идеально» плохого» места) [Геворкян 1989: 11].

Повесть «Катастройка» А.А. Зиновьева представляется в этом смысле неоднозначно определяемым в своей специфике жанром. В основу произведения положен «перестроечный» замысел «верхов» советского государства во главе с М.С. Горбачёвым, осуществляемый экспериментально в рамках вымышленной Партградской области.

Материалы и методы. Материалом исследования послужил текст повести «Катастройка» А.А. Зиновьева; статьи исследователей, посвящённые специфическим жанровым вопросам, особенностям природы утопии и антиутопии. В качестве методов исследования были избраны сравнительно-типологический и метод аспектного анализа литературного произведения.

Обсуждение. Изначально мысль об утопической модели изменения социальных законов общества возникает в разговоре между главой СССР и Петром Степановичем Сусликовым, координирующим «работу по надзору за Западом» [Зиновьев 1995: 8], где последний, «говоря о том, что «у нас есть», ... перечислял то, чего «у нас нет» [Там же: 10]. Таким образом, изначально задаётся вектор утопической модели предстоящего воплотиться замысла.

При этом власть предрекающие не видят иного для себя решения, так как «продолжать прежний курс – значит катиться к катастрофе» [Там же: 18]. Однако при этом тот, кому поручено исполнить данный замысел, глава комиссии в Партград, Корытов, понимает, что, «если теперь эту ошибку (то есть перестройку. – С.А.) не исправить, дело может кончиться катастрофой» [Там же: 20]. Изначально и Сусликов, и Корытов, а впоследствии Крутов, Гробыко и другие, понимают неосуществимость замышляемого эксперимента, его катастрофичность, последствия, перерастающие в антиутопичность, больше приближающегося в своих границах к дистопичности, однако при этом не могущие что-то изменить в замышляемом.

Партград, по сути, за время своего существования неоднократно менял название. Показательно, что до революции это произошло лишь однажды (из Князева он был переименован в Царёв). В советский период город менял название девять раз (!), при этом готовится к десятому переименованию – в Сусликовград. Это значит, что моделирование города нового типа происходило на всём протяжении советской истории. А с учётом того,

что полис этот не уникален чем-то сам по себе, а вписывается в судьбу многих советских городов, создаётся ситуация типичности всего происходящего в рамках СССР.

Тем не менее, автор, маска А.А. Зиновьева, не претендует на принципиальную достоверность того, как менялся облик Партграда исторически, снимая вопрос подражательности с щедринской «Историей одного города». Автор определяет описание прошлого данного полиса не как хронику или летопись, но как *«очерк предреволюционной истории Партграда»*, который не есть *«сатира в духе Салтыкова-Щедрина»*, но *«лишь некое упрощение, неизбежное во всяком кратком описании огромной истории»* [Там же: 27]. В данном контексте просматривается аллюзия на «Краткий курс истории ВКП(б)» 1938 года, так и не ставший «подробным» курсом, но по которому, действительно упрощённому, обязано было рассматривать свою историю всё советское общество сталинской эпохи.

При всём этом автор не стесняется вводить модели прогнозируемой действительности из настоящего времени. Так, изначально автор заявляет: *«В Партграде крещение осуществил князь Игорь...»* [Там же: 25], хотя город в это время носит название Князев. Но автор упорно продолжает расширять границы иллюзии советской действительности. На дворце князя Игоря красуется лозунг: *«Да здравствует феодализм – светлое будущее всего человечества!»*. А на первом христианском храме водружён лозунг: *«Вперёд к победе крепостничества!»* [Там же: 25]. И феодализм, и крепостничество подразумеваются как моделируемый «рай», обобщённое наименование которого – коммунизм.

Иначе говоря, и предшествующая революции история Партграда, и его послереволюционная история никак не отменяют и не снимают вопрос социального эксперимента, а наоборот – способствуют активизации этого эксперимента, «ускорению» его приближающейся катастрофы, которая в виде испражнений на Европу явлена в финальном сне Сусликова.

Особое место в структуре повести занимает ещё одно утопическое пространство – пространство трясины. *«Природный рай»* трансформируется в такое *«природное обличье»*, которое *«прикрывает бездонную вязкую грязь»* [Там же: 34]. Идею о «рае» коммунизма в трясине подают Сусликов и Тёлкина, более известная в народе как Маоцзедунька. Идея в конечном итоге материализуется в атомное производство, а отходы предприятия «Атом» сливаются в эту самую трясину. Это место автор признаёт и *«раем»* (так как работающие здесь партградцы становятся материально благополучными), и *«адам»* (так как здесь долго не живут, подрывая своё здоровье). Таким образом, претворение утопической идеи в жизнь, создаёт антиутопическую, а значит – катастрофическую, ситуацию. Катастрофа сказывается в плохо скрываемой властями эвакуации людей из ряда посёлков в зоне трясины, в переполненных «странными» больными и детьми урдами больницах, радиоактивном ветре, который стал дуть в Сибирь, а не в Европу, иначе *«эпоха гласности началась бы раньше»* [Там же: 37].

Номинативную природу перестройки автор определяет словом *«катастрофа»*, несколько смягчая буквальный перевод с греческого как *«ниспровержение»*, *«смерть»*, но усиливая его народной этимологией – словом *«катастройка»* [Там же: 69], давшем название повести.

Вообще, перестройка, задуманная на ориентации к Западу, является полярной самим интересам и вкусам Европы и Америки, поскольку *«поговорить о коммунистическом земном рае западные люди ещё могут позволить себе иногда, но жить в этом раю они предоставляют народам внеисторическим, русским в первую очередь»*, так как *«последние привыкли жить по-свински»* [Там же: 28].

Жизнь Запада тревожит Сусликова. Он с ужасом предаётся *«вещему сну»*, в котором Партград назван даже не Сусликовградом, а Суслик-Йорком. Народ покупает заграничные вещи через чёрную дыру в Европу, а не в своих магазинах, так как в местах городских продаж вещи находятся только на витрине. В конечном итоге, ЦК КПСС бьёт Сусликова в мягкое место, и он летит в чёрную дыру на Запад. При этом Суслик-Йорк рассыпается *«в прах»* [Там же: 13].

Этому сну полярно противоположны сны Кoryтова и самого Сусликова в финале повести. Во сне представителя московской комиссии сопрягается несопрягаемое: утопическое начало совмещается с антиутопическим. С одной стороны, возводится гостиница в двести этажей, с другой стороны, высота и ширина помещений составляет по полметра.

С одной стороны, продаются гробики, оборудованные компьютерами. С другой стороны, тела умерших прессуются до размеров спичечного коробка. В конечном итоге, пенсионеры отводят Кoryтова в тюрьму, но при этом там его избирают президентом. Будущее, не европеизированное будущее Партграда, представляется Сусликову нелицеприятно, причём на вершине этой нелицеприятности находится его бронзовый бюст, сам же город назван его именем.

Постепенно нарастающая катастрофа приводит к смуте в городе. *«Власти стремительно теряли контроль за жизнью в области. Инициативой завладели политические демагоги, ловкачи, наиболее циничные карьеристы, гангстеры, хулиганы, тунеядцы и прочие отбросы общества»* [Там же: 126]. Положение спасает визит в Партград комиссии во главе с Кoryтовым и новое моделирование социальной ситуации: определение маршрутов для могущих прибыть в Партград потенциальных иностранцев.

Первый маршрут составляют исторические места. Второй – индустриальный район. Третий – Новые Липки для знакомства с бытом трудящихся. Четвёртый – места культурного времяпровождения. Пятый – места для социально незащищённых слоёв населения (Дом Престарелых, Похоронный комплекс, монастырь и действующая церковь). Шестой – исправительный лагерь строгого режима для демонстрации последствий сталинского и брежневского террора, а также психиатрическая лечебница. Седьмой – сельскохозяйственная ферма с мясным магазином. И восьмой – туалетный концерн. При этом все язвы социальной жизни в отдельных случаях едва прикрываются, а чаще всего выпячиваются наружу как достижения гласности.

Иностранцы посещают Партград, проводят в нём целую неделю, а затем восторженно отзываются о нём в зарубежной прессе. Восторженность эта вполне объяснима с точки зрения развала мощного коммунистического государства, и связана она с утопическим характером воспринимаемого.

Например, во всём индустриальном районе только ламповый завод ещё как-то держится. В сельском хозяйстве всё подчинено спекулятивным замашкам тётки Маоцзедунки. В Новых Липках коммунальные службы никак себя не проявляют. «Культурный ренессанс» представляет собой пошлость и цинизм вульгарно понимаемой свободы, псевдотворческого волеизъявления людей культуры.

С другой стороны, восторженность иностранцев антиутопична, так как им приходится, принимая всё это, «с наслаждением» принимать всё отстойное и прославлять «перестройку и её вдохновителей» [Там же: 126]. Не зря начальник областного управления КГБ в Партграде Горбань называет в финале иностранцев «идиотами», которых «надо слегка отрезвить, а то они там совсем перестанут нас бояться» [Там же: 183].

Заключение. В целом, моделирование социальной жизни, преследующей своей целью не коммунистическое «светлое будущее» советских людей, создаёт предпосылки для появления Партградов, той «среды, в которой каждый человек прикреплен к какой-либо «коммуне» и встроен в общую систему взаимоподавления и взаимоугнетения» [Шульга 2010: 89]. Такая «встроенность» и порождает антиутопические тенденции как внутри социального явления, человеческого сообщества, так и в глобальных масштабах развития «человека» в целом.

Мысль о том, что «антиутопия развивает основные принципы утопии, доводя их до абсурда» [Баландина 2009: 169], представляется нам имеющей место быть, но не учитывающей закономерностей существования социальных институтов. Данные институты являются средствами моделирования вне абсурда человеческого существования. Они приводят в движение не антиутопические, но утопические механизмы, направленные на социальное будущее. Но при этом порождаются антиутопические препоны эволюционного движения «человека». Субъектами таких институтов выступают в повести, например, совсем не абсурдные Перестройщик и Посланец, искренне верящие в возможность социальных преобразований в условиях коммунизма.

Концепция утопической модели, приводящая к антиутопическим последствиям будет и в дальнейшем развиваться А.А. Зиновьевым в «Пара беллуме», «Исповеди отщепенца», «Затее», других произведениях писателя.

Библиография

Баландина С.В. Специфика жанра литературной антиутопии на материале романа А.Зиновьева «Зияющие высоты» // Известия ВГПУ. Актуальные проблемы литературоведения. – 2009. – С. 169–172.

Геворкян Э.В. Чем вымощена дорога в рай? Антипредисловие. // Антиутопии XX века: Евгений Замятин, Олдос Хаксли, Джордж Оруэлл. – М.: Книжная палата, 1989. – С. 5–12.

Зиновьев А.А. Катастрофа // А.А. Зиновьев. Смута. – М.: Келвори, 1995. – С. 5–183.

Ланин Б.А. Жизнь в антиутопии: государство или семья? // Общественные науки и современность. 1995. – № 3. – С. 149–160.

Файзрахманова А.А. Типология жанра литературной утопии / Филология. Искусствоведение. Вып. 43 // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. – № 13. – С. 136–145.

Шульга В.В. «Коммунальность» как проявление группового давления // Зиновьевские студии: материалы международной научной конференции 13 мая 2009 года. – Донецк: ДонГУУ, 2010. – С. 88–93.